

Вредна для

МАЙОРА

НАНА ФОКС

Нана Фокс

Вредина для Майора

«Автор»

2023

Фокс Н.

Вредина для Майора / Н. Фокс — «Автор», 2023

Мне не мешают досрочно майорские звезды на погонах, а ей нужна отличная отметка по практике. Нет ничего проще, решил я и предложил ей тихо отсидеться в кабинете не путаясь под ногами у матерых оперов. Соглашается, но и свои условия выставляет: «Будь моим парнем... на время!»

© Фокс Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нана Фокс

Вредина для Майора

Глава 1

АРТЕМ

– Майор, ты с нами? – Жизнерадостный голос сослуживца прокатывается по кабинету, врезаясь в мой уставший организм тяжелой кувалдой раздражения. — Хорош париться над бумажками! – весело продолжает Сеница. – Конец рабочего дня и недели, надо расслабиться. Как раз и повод есть.

– Какой? – не отрываясь от очередного отчета, уточняю без особого энтузиазма.

– Волков очередную звездочку получил, идем в бар обмывать.

– А-а-а-а... – равнодушно вздыхаю. – Это не тот случай, который стоит особого внимания. Я удивляюсь, как этот... – на миг замолкаю, подбирая красноречивые эпитеты. – Ай, ладно! – машу рукой, не желая более развивать тему. – Такими темпами он через год-полтора до генерала дослужится.

А я, мля, майорские все никак получить не могу!

– Ой, да ладно, забей! Ну, повезло мужику жениться на дочке Пахомыча. – Сашка заходит в кабинет и опускает зад на край моего стола, затем берёт в руки документ, только что составленный мной, и, пробежавшись глазами по графам, кивает, будто одобряет правильность изложения материала. – Что, прям вот так? – Еле скрывая смех, он тычет пальцем в строку с описанием внешнего вида пострадавшего. – Прям вот совсем...

– Иди ты... – беззлобно огрызаюсь, проводя раскрытой ладонью по лицу, словно это может снять накапывающее раздражение.

Выдергиваю из его рук исписанный лист и, положив на стол перед собой, припечатываю его к поверхности кулаком. Смотрю на документ невидящим взглядом, а строчки скачут, и уставшие мышцы просят лишь одного: завалиться в свою нору, шлифануть пережитый день холодненькой сорокоградусной микстурой и проспаться до утра (желательно – понедельника).

– Ну так что, ты с нами? – напоминает Сашка об альтернативном способе скоротать вечер.

– Не, я пас.

Сгребая бумаги в стопку, а в это время рабочий телефон взрывается местным вызовом, и я пятой точкой чувую, что сей звонок по мою душу.

– Капитан Сеница слушает! – чеканит Сашка. – Да, на месте. Хорошо, сейчас будет. – Возвращает трубку на рычаг. – Тебя начальство на ковер вызывает. – Даже по его интонации я понимаю, что дело дрянь.

Черт! Вот нафига я задержался?! Мой рабочий день закончился еще полчаса назад, но когда мы, сука, уходили с работы в положенное время? Да никогда!

– Что он хочет? – спрашиваю, не надеясь на ответ.

Сеница пожимает плечами, разводя руки в стороны.

– Ёж мой зверь! – вздыхаю, убирая документы в верхний ящик стола и закрывая тот на ключ.

– Так мы тебя все же подождем, – летит мне в спину Сашкино обещание.

Не оборачиваясь, машу рукой и выхожу из кабинета. Иду по коридору, всегда заполненному снующими оперативниками, и, поднявшись на один этаж, останавливаюсь около двойных дубовых дверей в приемную начальника РУВД генерал-майора Ильи Сергеевича Пахомова. Даже серое вещество напрягать не буду, чтобы хотя бы предположить, какая очередная херня ожидает меня.

– У себя? – Захожу в приемную и, бросив мимолетный взгляд на секретаря, целенаправленно иду к «вратам в мир головной боли и геморроя в одном флаконе».

– Ожидает, – не отрываясь от клацанья длинными маникюренными пальчиками по клавиатуре, отвечает мне Ляна.

Мысленно перекрестившись опуская ладонь на холодный металл ручки, решительно давлю вниз и распахиваю дверь, попрощавшись с перспективой тихого домашнего вечера.

– Вызывали? – Прохожу в кабинет и останавливаюсь в метре от рабочего стола.

– Артем... – Игорь Сергеевич отрывает взгляд от работающего монитора и переводит его на меня. – Да, вызывал, – кивает, складывая руки на столешнице – одну на другую, словно прилежный первоклассник. – Садись, – указывает на стул, – у меня к тебе деликатное дело.

А это ужестораживает и даже в чем-то пугает. Отодвигаю громоздкий предмет мебели, сажусь и, негромко выдохнув, готовлюсь к самому худшему. Может, стоит уже сейчас подать рапорт на перевод в какой-нибудь другой район?

Я, Пахомов и деликатное дело! Меня, опера с нехилым послужным списком, до холодка по позвоночнику пробирает истораживает это сочетание, а я еще и сути не услышал. Нет, я не из трусливых, но дел с начальством предпочитаю не иметь: так спокойнее жить.

– В общем, ты же знаешь мою младшую дочь... – начинает как-то издали Игорь Сергеевич.

С легким сомнением киваю: заочно с ней знакомо, наверное, все управление. Вживую видели, скорее всего, немногие, и я не в их числе. Но все точно знают, что Анастасия Игоревна Пахомова – маленькая папина принцесска, свет в его окошке и прочее, прочее, прочее... Меньше года назад мы всем отделом жалели парня, решившего к ней подкатить. Цербер-папочка тогда так его прижучил, что удивительно, как бедный пацан после всего не лишился своих мужских достоинств.

– Она учится на юрфаке, – тем временем продолжил свой монолог генерал-майор, – у нее намечается стажировка, вот только она не хочет идти в наш юротдел.

– Ну, у меня, вроде, есть знакомые в юридических конторах, могу замолвить словечко за нее, – предлагаю чуть растерянно, все еще не понимая, к чему весь этот разговор.

У него и без того полно друзей, знакомых в этой сфере. Я-то ему зачем?

– Да нет! – отмахивается он. – Дело не в этом. Дело в том, что она решила пройти стажировку, так сказать, в поле.

Ни хрена не понимаю и тихо злюсь, но лишь внутренне; на морде же маска непробиваемости и легкого тугодумия. Молча жду, но чувствую той самой частью, на которой сейчас сижу: дело труба.

– Короче, – откидываясь на спинку кресла и, словно выдыхая скопившееся напряжение, говорит он, – в понедельник она приходит в твой отдел, – вываливает на меня «приятную новость», словно ведро нечистот, а выражение лица такое, будто премию выписал в размере двух довольствий.

– Ко мне?! – От неожиданности тупею на мгновение. – Да ну на... – И это я произношу вслух?!

Вот только этой фифы мне у себя в отделе и не хватает для полного комплекта с кодовым названием «Цирк Шапито»! Я еще не оправился от весеннего пополнения подразделения новичками из учебки. Те хотя бы чему-то обучены, а эта?..

– Чем заслужил такое счастье? – даже не пытаюсь скрыть язвительность.

– Не ерничай! – одергивает меня начальник. – Девочка хочет узнать все, так сказать, изнутри, чтобы понять, куда дальше двигаться, на чем сделать упор: на уголовке или податься в административку.

– Ну, так пусть Волков с ней возится: родственник, как-никак. Пусть разбирает с ним мелкие правонарушения...

– Боюсь, что после стажировки у него я младшенькую уже не смогу переубедить не менять выбранного курса.

– То есть?.. – Ни черта не понимаю из его переживаний.

– Да этот соплежуй, – так эмоционально всплеснув руками, возмущается Пахомыч, – он же любого доведет до клиники своими нотациями, педантичностью и мозгоклойством! Не-е-е-е! – качает головой, только что не крестится и не плюёт через левое плечо. А я и не знал, что он такого «высокого» мнения о своем зяте. – Да и потом, у них немного натянутые отношения, – словно по большому секрету, чуть снизив тон, делится со мной внутрисемейными тайнами начальник.

Все это забавно, если не сказать – смешно, но смех у меня истерический, и тот пока только мысленный. Голова пухнет: столько всего узнать за пару минут, а к сути дела так и не приблизиться!

Вот на кой, скажите на милость, этой ляльке нужна стажировка в убойном отделе?! Это прикол какой-то, шутка или спор зажавшегося молодняка?

– В общем, так. – Начальник хлопает по столу ладонями, привлекая мое внимание и четко обозначая свою позицию по данной теме. – Твоя задача предельно проста: сделай так, чтобы она через неделю-полторы сама у меня попросила перевести ее в отдел бумажки разбирать. Сделаешь – подам на тебя документы на присвоение очередной звездочки. Нет, так нет.

Да нахрена мне это надо?! Я и так неплохо живу. Послужу в капитанах еще годик-другой. С меня не убудет, зато без лишнего геморроя в лице «папиной любимицы».

– А может, стоит...

– Отказ не принимается! – обрубает он на корню мою надежду на его разум.

Смотрим друг на друга выжидающе. Я понимаю, он начальник, а начальник априори всегда прав, но, мля, у меня нет диплома воспитателя детского сада, и даже курсы элитного гувернера я как-то не додумался пройти!

Весь мой скрытый гнев на несправедливость ситуации просачивается наружу, заостряя черты и воспаляя взгляд. Кулаки непроизвольно сжимаются, деревенея. Набираю в легкие воздуха: не намерен я так быстро сдаваться. Мне надо просто достучаться до его отцовского сознания: не место его малышке в нашем отделе, да и вообще в полиции. Ну что ему стоит стукнуть по столу кулаком и твердо осадить идиотские желания своей младшенькой?!

– Ты в курсе, у нас командировка намечается в «задрьпинск» на полгода? – бесхитростно так интересуется, открывая папку, лежащую на краю его рабочего стола. – В помощь, так сказать, местной полиции. У Перменова в отделе временно недокомплект, и нужен толковый опер.

Да ёж мой зверь! Чувствую, как зубная эмаль идет трещинами от силы сжатия челюстей. Ментальная медитация уже не спасает, и материться хочется громко и от души, наплевав на место и окружение.

– Вот подумывал Самсонова туда направить. – Начальник перелистывает страницы какого-то документа и тянется за ручкой. – Но тот, поговаривают, жениться собирается, грех его от молодой жены-то отрывать. А ты у нас холостой, отношениями, вроде, не обременен...

Делаю глубокий вдох. В голове просто дятел долбит – монотонно, но, сука, целенаправленно в висок, да так, что глаз начинает дергаться! Нервы ни к черту, и маленькая взбалмошная зараза мне их точно не подлечит! Но ее вредный зад в моем отделе – меньшее из зол, если выбор стоит так кардинально: она под моим началом или я в подчинении у Перменова.

Этого выродка я в первый же час отправлю к праотцам, за что сяду, лишившись всех регалий и почестей.

– Хорошо! – цежу сквозь зубы.

Начальник, вопросительно изогнув брови, смотрит на меня в ожидании детального ответа. Его рука зависает над документами в папке, а меня корежит от осознания того, что я сейчас собственноручно подписываю себе приговор.

– Жду вашу дочь в понедельник утром у себя в кабинете. – Отталкиваясь ладонями от края стола, отодвигаю стул и встаю, не дожидаясь разрешения. – И без опозданий!

– Вот не сомневался я в твоей разумности Майоров! – Начальник откладывает пишущий предмет в сторону и закрывает папку. – Свободен! —добавляет с победоносной улыбкой на губах и, словно забыв о моем существовании, тут же погружается в свои дела.

Выхожу за дверь и еле сдерживаю себя, чтобы не шарахнуть ею от души – громко и со смаком, вложив всю «радость» от предстоящей роли няньки для мелкой заразы.

– Все в порядке? – чуть слышно пробивается сквозь гул в ушах взволнованный женский голос.

– Да! – кидаю я в ответ так резко, что Ляна вздрагивает и смотрит на меня слегка испуганно. – Извини, – выдыхаю, проводя ладонью по лицу в надежде стереть накопившееся напряжение, как прилипшую дорожную пыль.

– Я могу чем-то помочь? – тон ее тут же меняется, заставляя меня обратить более пристальное внимание на его обладательницу.

Стоя почти у выхода, все же оборачиваюсь, в надежде, что это лишь слуховые галлюцинации, а не четко озвученное предложение, без каких-либо завуалированных намеков. Но пушистые ресницы, томно прикрывающие плывущий взгляд серых глаз, пропитанный «искренним» желанием улучшить мое настроение, кончик розового язычка, неспешно проходящийся по пухлой нижней губе, и тихий вздох, слетающий с этих порочных уст, дают однозначный ответ.

– Как-нибудь в другой раз, – уклончиво отмахиваюсь от столь откровенной заботы, растягивая губы в подобии улыбки. – Пока! – прощаюсь и покидаю приемную.

Твёрдыми шагами сокращаю расстояние до своего кабинета, набирая по пути номер Синицы. О странном поступке Ляны стараюсь не думать, но мысли все же вертятся вокруг этой милашки. А она ничего такая – фигуристая, и, кажется, без обременений в виде неудачных прошлых отношений, детей и прочих «хвостов». Может, стоит? Додумать не успеваю, из телефонного динамика в ухо врывается громкое дружеское:

– Передумал?

– А, вы еще не уехали?

– Да нет пока. Уламываем Волкова на «взрослый» бар, а он ломается, как сдобный пряник в горячем чае.

Я поморщился от предстоящей перспективы лицезреть кино для взрослых: только что отказался от индивидуального соблазнительного танца, и групповой меня точно не прельщает. С ориентацией у меня все в полном порядке, вот только именно сейчас я хочу посидеть чисто в мужской компании, залиться лечебной «огненной водой» и, может, даже почесать кулаки о кого-то нерадивого.

– Я сейчас подойду, – бросаю в трубку, прокручивая в голове идеальные, приличные места для мужской попойки.

Отключаю связь и захожу в свой кабинет лишь для того, чтобы забрать куртку и вырубить комп. Пофиг на недоделанный отчет, пофиг на «висяк», документы по которому я хотел взять домой и поработать в выходные Пофиг на все!

Мне надо снять стресс! А это лучше делать не в одиночку и не дома!

– Есть решение покруче. – Почти с пинка открываю дверь в отдел к Волкову. – На хрен шлем всех этих баб, едем в спортбар. Сегодня наши играют со шведами – это зрелищнее любого стриптиза!

Гул одобрительной поддержки довольных парней... Сомнительный бубнеж жмота Волкова... И спустя полчаса мы всей толпой заваливаемся в питейно-развлекательное заведение, где уже сейчас, почти все столики заняты. Находим самый большой и самый удачный, делаем стандартный для этого заведения заказ.

– Волков, – окликаю я Ивана, суетливо хлопающего себя по карманам, – не «парься», расслабься и кидай уже звезды в бокал!

– Ага, – отрешённо кивает он и выворачивает наизнанку свой бумажник. – Мне бы их найти, – растерянно оглядывает, выпавшее на стол содержимое, а в голосе явный испуг. Шутка ли – потерять майорские звезды, еще даже не нацепив их на погоны!

– Так, – торможу его, – не кипишуй. Выдохни и вспоминай, где видел их в последний раз.

– У Пахомыча в кабинете, – медленно, словно прямо сейчас в голове восстанавливает всю цепь событий и, боясь упустить малейшую деталь, проговаривает почти по слогам. Замолкает с растерянным видом.

– Ну... – подстегиваю его активнее работать серым веществом и не дать извилинам деградировать в одну-единственную, и ту под фуражку.

Не спеша, немного растерянно поднимает на меня встревоженный взгляд, замирает в этом положении и, кажется, даже перестает дышать. Видно, как пульсирует вена на виске, и бисеринка пота скатывается по лбу. Иван сглатывает, продолжая таращиться сквозь меня, словно перед ним сейчас проносятся все перспективы, которые он умудрился просахатить за считанные часы, просто «посеяв» где-то майорские звезды.

– Отметили, мля! – красноречиво возмущается Сашка, стуча тяжелой глиняной кружкой по дубовой столешнице, и часть пенного напитка проливается на стол.

– Су-у-у-ука! – сквозь зубы цедит Иван, видимо, наконец-то вспомнив место пропажи, подскакивает со стула и, споткнувшись, тормозит, разворачивается к нам, кидает на стол пару хрустящих купюр с Хабаровском и спешит к выходу.

– Эй! – окликает его кто-то из парней.

– Да там они... в этом... Ай, короче! – машет рукой. —Без меня оторвитесь, только без резких срывов! – И дверь за ним закрывается.

Парни шлют ему в спину ободряющие благодарности и пожелания, а уже спустя пару минут забывают повод, по которому мы тут собрались, утопая в общем ажиотаже и переживаниях за команду. Наши беспощадно лажают, и накал негодующих страстей разрастается со сверхзвуковой скоростью, вышибая из меня весь стресс прошедшей недели. Даже удается на время забыть то, что с понедельника я, опер со стажем, с неплохим послужным списком и кучей других достоинств, освою роль няньки.

Первый тайм заканчивается с ничейным счетом, а выпитое пенное уже просится наружу. Отлучаюсь по делам, заодно и на улице прогуляюсь, вдохну пусть и не очень свежий, но все же прохладный воздух.

Накидываю куртку и выхожу через «черный» выход на задний двор кафе.

Окутавшая город вечерняя мгла разбивается тусклым светом единственного фонаря, висящего над входом, а дальше – почти непроглядная темень, даже блики городской светоиллюминации бессильны в этом затерянном в центре города закоулке. Да место не для прогулок.

Немного проветрив свою захмелевшую голову и надышавшись тишиной ночной улицы, толкаю дверь в теплое нутро покинутого мною заведения, но не успеваю сделать и шага в глубь помещения, когда непонятный испуганный писк и настораживающая возня доносятся до моего чуткого оперского слуха.

Замираю, прислушиваюсь, настораживаюсь. Профессиональные инстинкты, словно собаки-ищейки, задрали носы и, медленно переставляя лапы, чтобы не спугнуть, спешат на выручку обиженных и угнетенных. По пути разминаю кулаки, готовый вступить в схватку, но сделав шаг за угол, налетаю на кота, с диким наслаждением оприходывающего себе подобную самочку.

– Сука! – ору, сквозь сжатые зубы, скидывая напряжение, и пинаю попавшуюся под ногу банку, ломая котяре кайф.

Глава 2

АРТЕМ

– Ты куда пропал? – удивляется Сашка.

Я нервно сбрасываю куртку с плеч и бросаю ее на спинку дивана. Присаживаюсь на оставленное совсем недавно место, мимолетно бросая взгляд на экран мегабольшой плазмы.

– Учить кота уму-разуму, – обрываю фразу и забираю из рук подошедшей официантки тяжелые бокалы с белыми пенными шапками.

– Что-то еще? – услужливо улыбаясь, интересуется она, доставая из кармашка передника маленький блокнот и карандаш.

– Да, – киваю и прошу принести граммов сто, а лучше двести сорокаградусного успокоительного.

– Хорошо! – Она даже присаживается в легком реверансе, словно обслуга из средневековой европейской таверны для знати, и убегает исполнять заказ.

– Так кого ты там чему учил? – ржут парни, сдвигая в звонком тосте свои кружки.

– Одну рыжую сволочь, как надо правильно с дамами обращаться! – цежу сквозь зубы и выплескиваю напряжение, загоняя в стойло недремлющие профессиональные инстинкты, которые забыли отключиться в тот момент, когда я пересек турникет на выходе из здания нашей управы.

Залпом выпиваю принесенную стопку.

Чертюва работа не отпускает даже во внеслужбное время! Я, как гребаный универсальный солдат, всегда на боевом посту. Нервы, как и мышцы, словно натянутые канаты: еще немного, и точно лопнут.

Усталость накатывает тяжелой удушливой волной, и гул в голове вдруг становится непереносимо нудным. Щелкаю пальцами, подзывая все ту же услужливую милашку с румяными щеками, блеском в глазах и такими аппетитными формами.

Стоит, улыбается.

Прошу повторить дозу прозрачного антидепрессанта и обновить содержимое стеклянных тар.

– Ну и закуски еще принеси! – кидаю вдогонку.

– Ну так и что? – не унимаются парни. – Научил?

Ржач и добродушные подковырки коллег летят на мою очумевшую голову. Отшучиваюсь с видом знатока в данной области, потом вспоминаю похожий случай, а сослуживцы подхватывают, утягивая общее внимание в омуты прошлого и незаметно меняя тональность вечера. На время забываем о баталиях десяти мужиков и одного круглого предмета, с жаром разворачивающихся на телеэкране, погружаясь в истории из таких привычных и в то же время не похожих друг на друга оперских будней.

Восторженный гул прихмелевших болельщиков возвращает наше внимание к просмотру матча.

– Давай! Давай! – скандируют все, когда наш бомбардир с ловкостью фокусника перехватывает мяч у противника и с устремленностью самонаводящейся ракеты ведет его к «вражеским» воротам.

– Ну!

Толпа замирает на считанные мгновения. На табло счет такой, что в данную минуту почти решается судьба победы.

Раз... Два... Три...

Сердца всех собравшихся бьются в одном ритме, метрономом отсчитывая оставшиеся секунды, чтобы после взорваться гвалтом всеобщего экстаза от красивого паса и виртуозного

посыла шарообразного снаряда точно в сетчатую цель. Ликование ударной волной проходит по помещению, зарождавая все новые и новые приливы адреналина.

Кровь кипит от драйва или от выпитого. В голове тот самый безумный хаос, который стирает установки и правила, расслабляет и уносит в океан драйва и веселья.

За мгновение до финального свистка наши умудряются забить еще один мяч в ворота соперников, и эта победная точка становится восклицательным знаком в продолжении вечера. Гуляют все, словно одна большая и дружная компания! И только лишь официальные часы работы заведения обрывают этот массовый галдёж.

– Поехали с нами, – заплетающимся языком предлагает мне Сашка.

Мы уже на улице, и за нашими спинами уставший бармен на пару с охранником закрывают двери опустевшего заведения. Нащупываю в кармане куртки телефон, ключи от машины и квартиры, а в другом – портмоне и прохожусь расфокусированным взглядом по стоянке.

На своей ехать не вариант (я сейчас не способен даже вспомнить расположение педалей), но и ехать с сослуживцем не хочу.

– Да поехали! – настаивает он, хлопая меня по спине. – Милаша нас всех по домам развезет, да, дорогая? – пьяно лыбится он, обращаясь к своей девушке.

Та стоит около водительской дверцы «мерина» если не последней модели, то точно не старше прошлогодней. Я на такую даже с доходами после предполагаемого повышения не скоро заработаю. И где Сашка ее подцепил?

Мегера, всей своей позой красноречиво вещающая о своем отношении к нашему загулу. Руки скрещены на груди, глаза метают такие молнии, что и без фонарей светло, как днем. Улыбка настолько неискренняя, что даже у меня, бывалого опера, вдоль позвоночника пробегают ледяные мурашки.

Ну уж нет! С этой дамочкой я точно никуда не поеду. От ее взгляда я даже слегка протрезвел.

– Не, – отмахиваюсь от настойчивости упившегося друга, – мне в другую сторону, – бросаю первое оправдание, всплывшее в нетрезвом мозгу, и разворачиваюсь в сторону стоянки желтых машинок с шашечками.

– Ну, бывай! – нисколько не расстроившись, желает друг и тут же забывает обо всем, пьяно бубнит какие-то пошлости своей подружке, позволяя ей запихнуть свое безвольное тело в салон представительной тачки, словно тряпичную куклу.

– М-м-м-м-да... – хмыкаю про себя.

А так и не скажешь, что он может быть таким подкаблучником. Да и пофиг! У каждого свои тайные порочные пристрастия...

Пока я дохожу до стоянки такси, остается только одна свободная машина, и я с внутренним ликованием распахиваю заднюю пассажирскую дверцу, заваливаюсь в теплое нутро моего «доставщика», но адрес произнести не успеваю.

– На Савушкина, – звучит откуда-то сбоку мелодичный женский голос.

Ладонь замирает на ручке еще не закрывшейся двери. Поворачиваю голову в сторону и натываюсь на шустро так впорхнувшую в салон автомобиля куколку. Полумрак, разбавляемый парой фонарей, не дает рассмотреть ее, но то, что там все мило, симпатично, и, будь она постарше, вполне себе привлекательно для меня, отмечает даже мой разомлевший мозг. И будь я чуток в другой кондиции и под другим настроением, я бы с удовольствием прокатился с ней до ближайшей точки для более близкого и приятного знакомства. Но не сейчас!

Сейчас я все же желаю оказаться в своей квартире, в своей кровати. А тачка эта последняя, и мои рыцарские качества остались за ее пределами.

– Дамочка! – Захлопываю дверь и разворачиваюсь к ней всем корпусом, чуть наклонившись вперед. – Простите, но я был первым. – Слова, как и мысли, путаются, а взгляд теряется в бездонной синеве ее огромных глазищ, смотрящих на меня умоляюще-невинно.

– Но... – Неуверенный протест обрывается, не успев сорваться с ее чуть пухлых губ без единого мазка декоративной краски. Кончик розового язычка проходится по нижней губе, поднимая в моем затуманенном сознании всех чертей, что уже сейчас готовы затащить этого ангелочка в самый темный и порочный закоулок разнузданных желаний.

– Эй! – Грубый голос водителя вплетается в нашу игру взглядов, – вы ехать собираетесь?

– Да! – громко и четко отвечаю и диктую свой адрес. – Вначале закинешь меня, а потом довезешь девчонку до дома, – нахожу выход из ситуации, продолжая сканировать пугливую Заю, вжавшуюся спиной в дверцу.

Мысленно веду отсчет и гадаю, на какой цифре ее инстинкт самосохранения все же сработает. Вот как только это произойдет, тут же переиграю и, так уж и быть, отдам ей право ехать домой первой и без моего сопровождения.

Но счет спокойно перевалил за двадцатку, водитель все еще тарашится на нас и не заводит тачку, а малышка все так же сидит на месте, словно прибитая. Кажется, даже не дышит, точно не моргает, и только стук ее сердца отдается в моих висках совестливым набатом.

– Черт с вами! – Она отмирает, выпрямляется. – Едем! – разрывая наш зрительный контакт, кидает водителю, и тот, будто ожидал лишь этого девчачьего, почти командного оклика, проворачивает ключ в замке зажигания и плавно вырывается с парковки.

Произошедшая с ней метаморфоза повергает меня в легкий ступор. Сознание пытается уловить хоть какое-то разумное объяснение происходящим в башке эмоциональным диспутам нетрезвого разума с совестью.

Вот какое мне дело до этой бесстрашной и безбашенной дурочки, что спокойно прыгает в салон такси, поймав его в полупустой подворотне?! Какого лешего меня волнует, почему она вообще шарашится по улице в столь поздний час?! Ей бы сидеть дома, укутавшись в вязаный плед, и, обхватив тонкими пальчиками большую кружку, совать в нее нос, вдыхая аромат горячего шоколада.

– Мля-а-а-а! – рычу сквозь стиснутые зубы. Откидываюсь на спинку сиденья и утыкаюсь затылком в подголовник. Прикрываю глаза, провожу ладонью по лицу, желая стереть безумные размышления, ураганом заполняющие мой воспаленный мозг.

Да к черту все! Не маленькая, сама разберётся! Но вот выпороть ее так хочется в назидание, аж ладонь чешется!

Мерное движение автомобиля по пустынным улицам навивает дремоту, организм, и без того расслабленный, впадает в легкий анабиоз. Тело словно свинцом налилось, да и муть в голове затягивает в болото беспамятства.

– Вам выходить, – жужжит над самым ухом еле слышно, отмахиваюсь, не желая выныривать из томной дремоты. – Вы приехали, – продолжает зудеть настырно и даже рискует толкнуть меня в плечо.

С трудом разлепляю веки, смотрю расфокусированно по сторонам и ни хрена не соображаю. Где я, что происходит, и кто эта «божья тваринка» пытающаяся вытолкнуть меня в неизвестность?

– Мужик, выходи, давай! – Грозный бас водителя метким подзатыльником возвращает мне память.

– Ща, – вздыхаю я, собираю силы в кулак и даже шарю рукой в поисках выхода.

Не нахожу, обессиленно опрокидываюсь назад на сиденье и уже собираюсь вновь погрузиться в туман безмятежного сна, когда холодный поток ворвавшегося в салон осеннего ветра пробегает по разомлевшему телу, забираясь под распахнутую куртку и ныряя в ворот тонкого свитера.

– Пойдемте. – Тонкие, словно прутики, ручонки цепляются за мое плечо и с усилием тянут меня наружу. – Я вас до квартиры доведу, – тараторит кроха и продолжает свой нелегкий труд по вытаскиванию моей неподатливой туши из салона.

– Подожди, – торможу очередной ее порыв, лезу в карман за деньгами и, путаясь в купюрах, выуживаю несколько хрустких бумажек. —И за нее тоже, – протягиваю их водителю.

– Ага, – кивает он, быстро пряча деньги в карман.

– Пошли, – все же соглашаюсь на ее помощь, краем сознания понимая, что не доползу самостоятельно даже до двери подъезда, а ночевать на лавочке во дворе ой как не хочется. – а ты жди, – кидаю водиле и захлопываю дверь.

Пошатываюсь, делаю шаг от машины, а малышка ловит меня, подставляя свое хрупкое плечико. Такая маленькая, макушкой не достает мне даже до подмышки, но уверенно закидывает мою тяжелую и безвольную руку себе на плечи. Своей ручкой оплетает мою талию и, сгибаясь, под тяжестью моего тела, словно медсестричка на фронтовом поле, тащит меня к дому. Как могу, стараюсь облегчить ей ношу, но сознание плывет, разум, пьяно икая, спит, а совесть вообще ушла в дальний угол и носа не кажет.

Земля качается так, что сейсмологи точно зафиксируют аномальные сдвиги тектонических плит. Шаги даются с трудом, но, преодолевая желание сесть на то, на чем стою, я все же добираюсь до подъезда, затем, минуя въедливого и все подмечающего консьержа, мы доходим до лифта.

– А ты совсем бесстрашная, да, Ромашка? – спрашиваю у девчули, подпирая спиной металлическую стену, пока кабина как-то очень уж медленно поднимает нас на нужный этаж.

– Почему Ромашка? – вопросом на вопрос отвечает она и даже не смотрит на меня, а, задрав голову, следит за цифрами этажей на табло.

Пожимаю плечами, не зная, что на это ответить. Несвязный бред крутится в голове, но в слова не формируется.

– Не знаю, – сознаюсь, подаваясь вперед и утыкаясь носом в копну ее светлых волос. – Ты пахнешь ими. – Несу полную ахинею, но это так.

Аромат, пусть не совсем ромашек, но свежих полевых цветов с искорками летнего солнца, окунает меня в какие-то теплые воспоминания детства: зеленый луг в лучах послеполюденного светила, парное молоко и бабушкины блины, обязательно с медом. А еще ромашки, много-много ромашек, в которые я падал, устав проказничать, и тарасился в синее небо.

Руки сами по себе ложатся на талию девчушки, я притягиваю ее хрупкий стан к себе и жадно вдыхаю будоражащий запах.

– Наш этаж, – сбивчиво сообщает моя спутница и делает шаг к выходу из лифта.

– Угу, – мычу, не отпуская ее, – сейчас, – шепчу в ее макушку, затем разворачиваю к себе лицом и на миг, вновь утонув в синеве ее васильково-синих глаз, накрываю губы жадным поцелуем.

Она и на вкус необычно нежная – клубника со сливками. Дыхание сладкое, и тихий неразборчивый стон. Маленькие ладошки упираются в грудь, тонкие пальчики цепляются за свитер. Шаг, другой... мы – как танцоры на паркете в ритме страстного танго. Прижимаю малышку к себе, не разрывая слияния губ, открываю дверь в квартиру, и темнота поглощает нас, скрывает от всех за стальным засовом.

Сбрасываю куртку куда-то на пол и тут же запускаю ладони в копну шелковистых волос. Чуть крепче сжимаю, оттягивая назад голову малышки. Тусклый свет размывает картинку, смазывая черты милovidного личика, и лишь огромные васильковые глаза, в глубине которых пляшут золотистые искры будоражащих эмоций, заглядывают мне в душу, дергая за ниточки необъяснимые чувства.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, вдруг решив, что для меня это важно.

– Тася, – отвечает она тихо, почти одними губами, движение которых я считываю подушечками больших пальцев.

– Тася, – перекаत्याю на языке Ромашкино имя, словно карамельку.

Вкусно. Ей подходит.

– Артем, – представляюсь и вновь накрываю ее манящий рот.

Глава 3

АРТЕМ

У нее вкус клубники со сливками – карамелька сладкая!

Скольжу губами по скулам, обвожу языком мочку маленького ушка, прикусываю ее. Ловлю тихий стон наслаждения и упиваюсь им.

Мои жадные ладони гуляют по изгибам точеной фигурки, сминают аппетитную попу, ложатся на бедра. Подтягиваю ее вплотную к себе. Нависаю над хрупким, извивающимся в моих объятиях телом.

Копна пшенично-золотистых волос рассыпана веером по подушке. Глаза чуть прикрыты, и пушистые ресницы отбрасывают легкие тени на щеки, вспыхивающие ярким румянцем, нагло маскируя милую россыпь веснушек.

Дурею от зашкаливающих эмоций, от тонкого аромата чистой невинности и порока, идеально сплетающихся в замысловатый узор нашей страсти.

Длинные ножки так крышесносно оплетают мою талию, что дыхание сбивается, и я на миг залипаю на этой картинке, запечатлевая ее в памяти под грифом «для личного просмотра» с пометкой «восемнадцать плюс».

Воздух вокруг нас раскален добела, искрится и потрескивает небывалым напряжением нарастающего кайфа. Желание плещет через край.

Подаюсь вперед, захватываю тонкие запястья одной ладонью и припечатываю их у нее над головой. Кроха выгибается мне навстречу, шепчет что-то бессвязное. Кончик языка вновь соблазнительно проходит по губам, и я теряю последние крупницы сдержанности, погружаясь в жаркий омут чувственных толчков.

Лишь на мгновение замедляю скорость необузданной страсти, ловя губами сдавленный стон, а затем с нарастающим наслаждением ускоряю приход нашего феерического восторга.

Толчок... Еще...

На очередном витке необузданного кайфа меня выкидывает за пределы вселенной упоительного экстаза напрямиком в суровую реальность.

Я не задумывался раньше, насколько убойно нервирующие аккорды у безобидной песенки, установленной рингтоном на входящие звонки в моем телефоне. Пробираясь в сонный разум, они взрывают его какофонией адских звуков. В голове, словно фальшивя на все ноты, трезвонит без умолку сломанная игрушка обезьянки с тарелочками.

– Ну, вообще-то на дворе уже полдень, – раздается в динамике довольно бодрый голос сослуживца в ответ на мое злое и чертовски недовольное:

– Какого хрена, Синица, ты мне звонишь в такую рань?!

Медленно открываю глаза и пялюсь на циферблат наручных часов. Мля, я никогда так долго не спал, даже после самого крутого загула! Встаю с раннего утра и несусь на пробежку, а затем в спортзал, чтобы выбить из организма всю нездоровую хрень и привести мозг в рабочее состояние.

– Черт! – Со стоном переворачиваюсь на спину.

– Так! Судя по голосу, ты не в кондиции, – с легкой издевкой выдает свое заключение этот доморощенный Шерлок Холмс.

– Да пошел ты! – беззлобно шлю его известным маршрутом, прикрывая глаза ладонью.

Какая тут кондиция, если в башке нестройный звериный квартет из того самого стилистического произведения известного баснописца?! Во рту стая кошек опорожнилась, а в паху такой дискомфорт, что ткань трусов натянута до болезненной неудовлетворенности.

– Слушай, Синица, а с кем я вчера уехал из бара?

Вопрос, свербящий мой мозг зубодробильным аппаратом времен средневековых пыток.

Неужели Ромашка лишь плод моей голодной фантазии?

Подушка рядом не примята. Я в трусах. В комнате нет и намека на бурную ночь. И ничего, абсолютно ничего не подтверждает моих предположений о реальном существовании крохи с васильковыми глазами.

– Один, – немного неуверенно тянет сослуживец, – мы как раз мимо проезжали, когда ты в такси садился.

– Ясно, – угрюмо заключаю, – ладно, созвонимся позже. – Прощаюсь с Сашкой и отключаюсь.

Пару минут пялюсь в идеально белый потолок, от которого и без того засыпанные песком глаза еще сильнее слезятся.

Мля, чтобы я еще раз так нажирался?! Да нахрен надо! День – в помойку! Сука!

Откидываю одеяло и замираю, заметив на прикроватной тумбочке стакан с водой и долька лимона. Рядом лежит блистер аспирина и антипохмелина – у меня и такой в аптечке есть? Сомнение подстегивают клетки серого вещества активнее включаться в процесс размышления, вытаскивая меня из анабиоза.

Это не я. Это точно чья-то заботливая рука организовала мне пункт экстренной помощи при пробуждении.

Вот только чья? В памяти лишь огромные васильково-синие глаза, копна пшеничных волос и аромат свежести лета.

Закидываю в рот сразу две таблетки, жадно запивая их прохладной, чуть кислой жидкостью. Затем – холодный, до мурашек бодрящий душ, и уже после – чашка крепкого «эспрессо» без сахара и сливок.

Голова немного просветлела, да и общее самочувствие близко к нормальному. Но физнагрузки должны довести мой организм до состояния «трезвый, как огурчик».

Любимые светлые джинсы, белая футболка, косуха и кроссовки. Чуть влажные волосы расчесываю пятерней, придавая им художественный беспорядок. Подхватываю спортивную сумку со всей экипировкой и спешу к выходу.

У Сереги сегодня как раз групповое занятие по боксу – то, что мне надо, чтобы выбить всю дурь.

– Как самочувствие, Артем Захарович? – с ехидством интересуется консьерж, щуплый дедок, почти вываливаясь из окошка своей рабочей конуры.

– Отлично! – растягиваю губы в такой охрененно довольной улыбке, чтобы у этого старого болтуна не было лишних тем для сплетен.

Выхожу во двор, и гримаса веселья тут же стекает, словно плохой грим у плачущего клоуна.

Вот специально ведь несколько лет назад при покупке квартиры отдал предпочтение относительно новому жилому фонду. Думал, таким образом избавлю себя от вездесущих пенсионерок, знающих все и обо всех, отлично перемывающих кости тем, кто, по их мнению, не соответствуют их же придуманным стандартам (то есть всем без исключения) и обеспечу для себя отсутствие подъездной цензуры.

Хрен там! Иосиф Соломонович отлично замещает роту таких осведомленных бабуль.

С удовольствием хлопнул бы дверью парадной, дабы прищемить нос любопытному старикашке, но она на доводчике и закрывается за мною плавно, почти бесшумно.

Яркое осеннее солнце приветливо бросает в лицо сноп солнечных зайчиков, отражающихся от лобовых стекол припаркованных автомобилей. Вот только моего железного коня среди них нет. Со стоном оседаю на лавку, вызывая такси и ставя в мысленном ежедневнике пометку: после тренировки забрать авто с парковки спортбара.

Спарринг с тяжеловесным соперником выматывает меня полностью. Сухой воздух сауны и холодная вода бассейна, в котором я наматываю пятый круг подряд, прогоняют остатки вчерашнего загула из организма, и фитнес-клуб я покидаю, будто заново рожденный.

На улице легкие сумерки, и небо над высотками окрашено розовой дымкой. Воздух пропитан теплым запахом уходящего дня и тишины. Не замечаю, как прохожу несколько кварталов пешком. Шагаю вдоль набережной, плавно огибая немногочисленных прохожих и вдыхая полной грудью терпкий аромат осени.

Немного ежусь, когда порыв ветра с канала забирается под куртку. Замыкая в голове клеммы, и уловимое чувство дежа вю на миг сбивает меня с уверенного шага. Прячу руки в карманы, плотнее запахивая полы кожанки, и с удивлением нащупываю в одном из них конфету. Вынимаю – на ладони лежит карамелька.

Клубника со сливками напрочь выбивает из меня дух.

Чертовщина какая-то!

Прячу сладость обратно. Оглядываюсь по сторонам, делаю шаг к дороге, и из немногочисленных автомобилей достаточно быстро находится та, которой со мной по пути. Парень за рулем серебристого седана без лишних заморочек и даже бесплатно соглашается подкинуть меня до спортбара. По пути болтаем на интересные обоим темы: вчерашний матч и загадочность женской души.

– Спасибо, – благодарю водилу, покидая салон его авто. – Заскакивай в понедельник в отдел, посмотрим, что можно решить по твоему вопросу, – напоминаю Косте уже в приоткрытое окно.

– Да ладно, пока сам, – тушует он, – но на заметку возьму, – подмечает и, попрощавшись со мной, срывается с места.

Моя тачка стоит там, где я ее вчера оставил. Забираюсь в остывший салон, и пока мотор прогревается, брожу бесцельным взглядом по редким прохожим. В голове ноль идей, куда двигаться дальше. Дома – одинокие стены, и мышь в холодильнике удавилась, а на полках кухонных шкафчиков запросто можно отыскать паутину.

Как говорит моя бабуля, «Женской руки тебе не хватает, Артемушка». И улыбается, подкладывая на тарелку очередной блин, обильно поливая его медом, сдабривая сметаной и творожком. От короткого воспоминания во рту моментально скапливается слюна, а желудок напоминает об отсутствии в нем чего-то более аппетитного, чем протеиновые батончики, закинутые в него перед тренировкой.

Выезжаю из тихого переулочка на оживленную автомагистраль и уверенно направляю своего железного мерина в сторону одного из крупных мегамолов. Фуд—корт пестрит различными вывесками точек питания на любой вкус. А меня привлекает лишь одно кафе – проверенное, то в котором уже, можно сказать, с порога, пахнет настоящей мужской едой: стейками различной прожарки, запеченными овощами на гриле и, конечно же, «Бельгийским пенным». Приветливая девочка-администратор за небольшой стойкой, протягивает меню дня и, подождав свободного официанта, желает приятного дня.

Столик в удалении от входа, за плетеной изгородью. Тихая, располагающая к отдыху и сытному обеду атмосфера вызывает желание расслабиться, заказать все самое вкусное и наслаждаться гастрономическим кайфом, что я, собственно, и делаю. Не часто в моем плотном и весьма загруженном графике жизни выдаются такие моменты безделья, а раз выпали, надо пользоваться.

Лишь спустя часа два я, насытившись и телесно, и духовно, покидаю уютное заведение и спускаюсь на цокольный этаж в продовольственный гипермаркет. Брожу между стеллажей и витрин не считанное количество времени, а когда подхожу с полной тележкой к кассе, подмечаю, что большая часть продуктов не из моего продуктового набора.

Бабуля любит вот эти конфеты, а без брикета вон того пломбира с шоколадной крошкой не пустит даже на порог. Да и колбасные изделия – те, что предпочитает она. И много чего еще.

Видимо, подспудно мой мозг напоминает мне, что я в предел оборзевший внук, который не навешал старушку охренеть как много времени.

Глава 4

АРТЕМ

Вечереет. Легкие сумерки окутывают пригородную дорогу, и блики от фар встречных машин бьют по глазам. Сбавляю скорость, неспешно плетусь в потоке автолюбителей, решивших, как и я сменить суету города на загородную тишину. Несколько часов пути пролетают под аккомпанемент шороха шин и басов роковых треков.

В деревню въезжаю, когда на землю опускается ночь (по местным меркам, естественно). В редких домах горит свет, а в бабулином лишь тускло мерцает окошко на кухне.

– И чего это ты на ночь глядя, да еще и без предупреждения? – раздастся с крыльца немного ворчливый, но все же добродушный голос бабы Мани. – А если бы я не одна была? – укоряет меня она.

– А с кем? – Закрываю ворота, загнав во двор свою тачку. – С дедом Матвеем, что ли? – как всегда, шучу я, зная их взаимную «любовь».

– Да хоть бы и с ним! – не унимается старушка, кутаясь в накинутую на плечи шаль.

– Ну, так давно пора, – продолжаю наш бестолковый диспут, вынимая пакеты из багажника. – Я тебе сколько раз говорил: пора признаться, принять и жить весело.

Поднимаюсь по ступеням, останавливаюсь и, улыбаясь, целую ее в морщинистую щеку.

– Мал еще советы старым давать! – добродушно ворчит бабуля. – Пошли уже в дом, холодно.

– Угу, – соглашаюсь с ней, топаю следом и наслаждаюсь расплывающейся по телу эйфорией.

Какие-то необъяснимые ощущения детской непосредственности и беззаботности накрывают меня с головой. Только здесь, только в гостях у бабы Мани я чувствую жизнь во всех ее вкусовых, эмоциональных, душевных красках, и мне безумно нравится обалделое чувство оторванности от того, другого мира, мира, где все с точностью до наоборот.

– Пакеты сюда ставь! – командует бабуля, указывая на пол около кухонной тумбы. – И руки мой да за стол садись. Буду тебя кормить.

Она гремит кастрюльками, со стуком ставит тяжелую чугунную сковороду на плиту на печи, пока я, скинув куртку в прихожей, стягиваю свитер и прямой наводкой иду в ванную. По пути заглядываю в комнату, где стоит большой платяной шкаф, и достаю удобные трикотажные домашние брюки и футболку.

Вполне современный санузел оборудован всем необходимым, от функциональной душевой кабины до фаянсового унитаза, лишь биде не хватает, но хозяйка от него сама отказалась.

Лет десять назад мы с отцом затеяли капитальный ремонт в бабулиной усадьбе. Сменяли и обновили все, что только можно. Сделали пристройку, в которой и оборудовали бойлерную с газовым отопительным котлом, а также все необходимое, чтобы облегчить старушке деревенские будни. Только печку на кухне она не дала нам снести, отстояла ее в тяжких спорах и при помощи шантажа.

Да мы и особо не настаивали. Все же есть в этом какая-то тихая таинственность, наполняющая жизнь неподдельными эмоциями, когда в темный, зимний вечер подкидываешь дровишки в топку, смотришь, как языки пламени лижут древесину, слушаешь, как трещит огонь, взмывая искрами вверх, и в душе возникает чувство умиротворения.

В общем, благоустроенная квартира – хорошо, но и в деревенском доме есть свои плюсы.

Быстро ополоснувшись, переодеваюсь в домашнее и спешно выхожу к столу. Вроде, и не голоден, но от запахов жареной картошки с грибами, душистого травяного чая и свежей выпечки моментально просыпается просто зверский аппетит.

– Ну и где ты застрял? – беззлобно ворчит баба Маня. – Уже все стынет на столе. Садись, давай! – подгоняет она меня и сама усаживается за стол. – Сейчас еще Тася придет, молока парного принесет: баба Нюра как раз корову подоила.

Старушка еще что—то говорит, а я зависаю с вилкой в руке, так и не донеся ее до рта. Карамельное имя, словно какое-то наваждение, будоражит в памяти то ли сладкие воспоминания, то ли тягучие сновидения.

– Ты чего замер? – немного настороженно смотрит на меня бабуля. – Отвык от нормальной еды, – нараспев, сокрушенно качая головой, заключает она. – Ну ты ешь, ешь! – заботливо пододвигает ко мне тарелку с бочковыми огурчиками и тянется еще за одной посудиною с соленой рыбкой.

Трясу головой, прогоняя всплывшие воспоминания, и налегаю на свой поздний ужин.

– Ага, – соглашаюсь я и быстро отправляю в рот порцию содержимого моей тарелки, подцепляю хрустящий овощ и надкусываю его, балдея от того, как рассол растекается по языку приятным лечебным соком.

Сегодняшним утром он был бы в самый раз: проверенный, действенный рецепт от похмелья. Но лучше вообще не пить, тогда и с памятью проблем не будет.

Баба Маня вздыхает, подпирает кулаком щеку и, глядя на то, с каким аппетитом я уплетаю ее простую, но от того не менее вкусную еду, вновь заводит песнь о моей никчемной одинокой жизни, об отсутствии в ней нормальной женщины и парочки спиногрызов.

– Ба, ну я там уже был, мне вот! – Провожу ребром ладони поперек шеи. —Хватило!

– Ой, тьфу-тьфу! – крестится, плюет через плечо, словно я нечисть какую вспомнил, хотя моя бывшая точно прятала в кладовке метлу; но этот печальный опыт уже в прошлом и пускай там и остается.

– Вот, – многозначительно поднимаю вилку, – и закроем эту тему, – мягко прерываю бабулины стенания.

Год как в разводе, и меня больше никто не пилит по поводу отсутствия то меня в доме, то денег в ее кошельке. Нет скандалов с битьем посуды, и желательно так, чтобы об мою голову, из-за ночных дежурств. Нет... Да много чего нет, есть покой, независимость и тишина в квартире. Пусть без вкусного обеда и ужина, но его и во время семейной жизни не было. Пусть без постоянного секса с проверенной партнершей, хотя и он в последнее время был не частым.

В общем, я не мазохист и не собираюсь дважды наступать на одни и те же грабли.

Но родственники уверены, что у меня просто была неправильная жена. Я не отрицаю, согласно киваю и живу себе дальше.

– Расскажи лучше, как ты тут? – перевожу разговор на другую тему.

– Ой, да что со мной-то будет?! – отмахивается она. – Все нормально!

Киваю, подцепляя на вилку последний грибок, и с сытым видом отодвигаю тарелку. Тянусь за кружкой горячего чая, заваренного на травах, ароматного и, по словам престарелой родственницы, жутко полезного. Делаю пару глотков и даже жмурюсь от удовольствия. Легкая усталость наваливается на меня, и я собираюсь уже, поблагодарив бабулю за вкусный ужин, отчалить в комнату и завалиться спать, как со двора раздается лай псины.

– Ой! – поднимаясь со стула, спохватывается баба Маня. – Это, наверно, Тася пришла. – Тянется за шалью, а потом, словно что-то задумав, оборачивается ко мне. – Сходи, придержи Буяна, чтобы девочка в дом прошла.

Вот же сводница старая! Засунув ноги в берцы, накидываю старый отцовский батник, всегда висящий на вешалке, и выхожу во двор.

За калиткой и впрямь, переминаясь с ноги на ногу, стоит девушка, прижимая к себе стеклянную банку. В свете уличных фонарей не разглядеть ни фигуры, ни внешности, да и капюшон мешковатой куртки скрывает черты лица.

Загоняю псину в будку и, удерживая за ошейник, кричу гостье, чтобы проходила. До слуха доносится лязг щеколды, скрип петель и быстрые шаги. Когда входная дверь хлопает, отпускаю собаку и отхожу к крыльцу. Присаживаюсь на ступеньки, тянусь к карману – там всегда лежит заначка для снятия стресса. Пальцы натываются на пачку, сжимают ее и отпускают.

Внутри идет борьба желаний. С одной стороны, хочется ехидно отсидеться в засаде и разрушить бабулину затею, шитую белыми нитками, с другой – чувство любопытства скребет душу. Несмотря на то, что в совпадения я не верю, все же встаю и неспешно поднимаюсь на крыльцо.

Ну, а чем черт не шутит, вдруг это она?

«Ага! – язвит разум. Ночь покувыркалась с тобой, а на утренней электричке укатила в деревню коров доить. Золушка, не иначе!»

– Ну, вот сейчас и проверим! – затыкаю рот внутренним советчикам и вхожу в дом.

Скидываю обувь, вешаю батник на вешалку, прислушиваясь к голосам, доносящимся из кухни. Баба Маня что-то трещит, грохая посудой, а вот гостью не слышно.

Сердце замирает, словно я юнец, пригласивший в гости понравившуюся одноклассницу. Шаг, другой, и я замираю в дверном проеме.

– Добрый вечер. — Тихий голосок, скромно потупленный взгляд и копна огненно-рыжих завитушек.

Странное ощущение прокатывается по телу, сворачиваясь в районе солнечного сплетения обжигающим комком, впрыскивая в кровь чумной коктейль из разочарования и облегчения. Даже на миг теряюсь с ответом, и только бабулин укоризненный взгляд напоминает мне о вежливости.

– Добрый, – чуть севшим голосом произношу я и, пройдясь до стола, делаю большой глоток чая из своей кружки.

– Садись, — чуть недовольно подталкивает меня ба, – чай, не маленький, полкухни занял. А ты пей, пей чай, – заботливо обращается она к гостье, – а я пока поищу то, что Нюре обещала, – бубнит она в оправдание и уходит в глубь дома.

Тишина повисает в помещении, слышно лишь, как потрескивают поленья в печи да ветер играет с оголенными ветками деревьев, то неспешно, то хлестко отбрасывая их на черепичную крышу. С приоткрытого окна тянет осенним холодком.

Гостья берет кружку, медленно отпивает чай. Большие зеленые глазищи в обрамлении пушистых светлых ресниц смотрят на меня поверх края чашки с не закамуфлированным весельем. В глубине зрачков пляшут золотистые искорки, а от улыбки на щеках появляются соблазнительные ямочки. Круглое личико, аккуратный маленький носик и россыпь веснушек, будто брызги апельсинового сока. Мелкие локоны ярких волос придают ее образу взрывной загадочности.

Довольно привлекательная девушка лет двадцати пяти, плюс-минус пара годков. Фигурка ладная, и объемы как раз такие, как я люблю. Только внутри ничего не екает, и в штанах полный штиль, словно у хронического импотента, когда не помогают даже волшебные пилюли.

– Сватает? – отставляя кружку, кивает в сторону ненавязчиво так оставившей нас наедине пожилой свахи, и не то чтобы спрашивает – скорее, подмечает с долей понимания в голосе и взгляде. Я лишь хмыкаю с легкой самоиронией. Откидываюсь на стуле и, скрестив руки на груди, посматриваю на соседку исподлобья, почти безразличным взглядом.

– Знакомо, – продолжает она со вздохом обреченности. – Я у своей уже неделю отдыхаю, привожу в порядок свою нервную систему и отношение к жизни после разрыва токсичных отношений, так она каждый день меня с кем-то знакомит, применяя правила «клин клином вышибают».

Звучит, как исповедь случайного попутчика, я просто киваю, не влезая в душу. Мне это нахрен не надо, как, собственно, и ей. Просто пожаловаться, выговориться и больше не встречаться.

– Я, пожалуй, пойду.

Таисия поднимается из-за стола, а я как истинный джентльмен предлагаю ей себя в прожатые, но получаю категоричный отказ.

– Тут идти-то два шага через дорогу. Ну, разве что вашу собаку придержите, – пожимает плечами, накидывая куртку.

Когда возвращаюсь в дом, с порога натыкаюсь, на укоризненный взгляд престарелой родственницы. Делаю знак рукой, мол, вопрос закрыт, и направляюсь в свою комнату.

– А если продолжишь в том же духе, – уже с порога предупреждаю ее, – найду в городе первую встречную, женюсь на ней, и моя несчастная жизнь будет на твоей совести.

Бабуля что-то хочет сказать в ответ, но лишь разочарованно машет рукой.

– Ну, вот и ладненько. Я – спать.

Весь следующий день провожу в мужских заботах: в деревенском доме даже со всеми коммуникациями их немало. После обеда парюсь в баньке, а к вечеру, попрощавшись с бабой Маней, выезжаю в обратный путь.

Пробки на дорогах, заторы на кассах продуктового гипермаркета, и до родных жилых квадратных метров я добираюсь ближе к полуночи, уставший, словно и не отдыхал, злой, голодный и с неприятным чувством надвигающегося Армагеддона.

И он является. Утром.

Стоит мне войти в кабинет, опоздав минут на пятнадцать, как мироздание, сделав кульбит, просто остается в этом перевернутом состоянии.

– Доброе утро! – врзается в мое сознание приятный девичий голосок.

– Доброе, – еле выдавливаю из себя ответ, глядя в небесно-васильковые очи, спрятанные за стеклами очков в модной оправе.

Глава 5

АНАСТАСИЯ

– Дочь, – раздаётся из-за двери настойчивый голос отца, – ты скоро? За мной машина приедет через полчаса. Поторопись, я тебя подвезу.

Смотрю на себя в круглое зеркало, висящее над раковиной в большой ванной родительского дома, и громко, расстроено вздыхаю: всклокоченные волосы никак не хотят укладываться, а лихорадочный румянец на щеках нагло проступает сквозь тонкий слой тонального крема.

Кусаю губы в нервном напряжении: я так волнуюсь за свой первый день в статусе сотрудника опергруппы капитана Майорова, что внутренний тремор невозможно успокоить даже привычными упражнениями из йоги.

– Черт! – вскрикиваю, резко дергаю расческу, та, естественно, путается в прядях, а я еще больше злюсь и в порыве гнева тянусь за ножницами.

Отчекрью их, нафиг! Давно хочу сделать стильную короткую стрижку, но мама от одной этой мысли бледнеет и лежит на диване в предынфарктном состоянии. Манипулирует? Да!

Но и я не так уж рьяно стремлюсь к смене стиля, а лишь тогда, когда случаются вот такие случаи.

– Не жди меня, я сама доберусь! – психую, откидывая ножницы в раковину, сжимаю ее край ладонями и, наклонив голову вперед, пытаюсь успокоиться, проделывая дыхательную гимнастику.

Вдох – выдох...

Счет до десяти и обратно.

День только начался, а я на взводе! Нервная система напряжена до максимально опасного предела.

– Как доберешься? – продолжает настаивать отец. – На маршрутке, что ли?

– Да! – Распахиваю двери и возникаю на пороге ванной, пугая отца своим видом. – На личный автомобиль еще не заработала. – Это не упрек, это моя позиция.

– Дочь, – вступает с наш диалог мама, – ну, может, и правда с папой поедешь? Чего ты по автобусам будешь толкаться?

Родительница подходит ко мне и, словно фея-крестная, за считанные секунды приводит копну моих волос в состояние «я_только_из_салона», как в детстве, заплетает красивую косу и скрепляет ее ажурной резинкой.

– Спасибо! – Привстаю на цыпочки и целую отца в щеку. – НО. Я.САМА! – четко повторяю свое намерение. – Ну, правда, папуль, я не хочу, чтобы поползли лишние слухи.

– Так я ж тебя не на службу устраиваю и не продвигаю по карьерной лестнице! – недоумевает отец. – Всего лишь практика.

– Ой, ну все, Игореш! – вмешивается мама, поглаживая отца по плечу и подталкивая в сторону столовой. – Ну, хочет девочка, самостоятельность проявить, чего мешать? Пойдемте уже завтракать, все стынет.

– Я сейчас, – предупреждаю их и возвращаюсь к зеркалу.

В попытке по-быстрому довести до логического завершения свой макияж, теряю контактную линзу, а с губ вновь срывается раздраженный вздох. Приходится отказаться от кошачьих стрелочек и лишь коснуться ресниц щеточкой для туши.

Я не критическая близоручка, но без оптики чувствую себя некомфортно, так что цепляю на нос очки и топаю в комнату. Облачаюсь в узкие брючки графитно-черного цвета, в тон им – пиджак поверх белоснежной блузы, и завершают образ громоздкие ботинки а-ля армей-

ские на массивной подошве. Некий штрих непокорности, что ли? Окидываю себя критическим взглядом и, вполне довольная общим видом, спускаюсь в столовую.

– Меня Гарик подбросит до управления! – уже дожевывая бутерброд, кричу я, чтобы папа из прихожей услышал.

– Какой Гарик? – басит он и моментально появляется на пороге столовой в наспех накинутом пальто.

Удивленно смотрю на него, отпивая кофе из чашки.

– Егор Кравчук – наш сосед, – поясняю ему в недоумении: уж сына соседа надо знать, тем более что этот сосед – какая-то там шишка в министерстве.

– Так он же актер! – Из его уст это звучит, как нечто похабное и недостойное внимания.

– Папа, – назидательно так поправляю родственника в его неосведомленности, – он учится в театральном, но не на актерском.

– Да какая разница? – продолжает тот стоять на своем.

– Такая же, как учиться в летном на факультете менеджмента, – пожимаю плечами и возвращаюсь к завтраку.

– Ладно, – сдается отец, – я с утра в министерстве. Приедешь в управление – сразу зайди в кадры. Вера Павловна тебя ждет.

Киваю, почти беру под козырек, но вовремя спохватываюсь и просто шлю удаляющемуся родителю воздушный поцелуй.

Гарик, он же Егор Батькович, он же друг детства, сосед, будущий режиссёр, да и просто хороший парень, ждет меня у ворот, нервно давя на клаксон.

– Ну и чего ты расшумелся? – спрашиваю, плюхаясь на переднее пассажирское сиденье, и подставляю щеку для дружеского поцелуя. – Я же сбросила сообщение, что буду через пять минут.

– Ага, – кивает он, мазнув губами по моей припудренной коже и щелкнув пальцем по носу, – десять минут назад.

– Ну, прости, – тут же меняю тон, наигранно хлопая глазками. – И вообще мне простибельно: у меня стресс.

Друг вдавливая педаль газа до предела, бросая на меня вопросительный взгляд, и пока мы, то миную пробки по объездным проселочным дорогам, то застревая в них на пять-десять минут, добираемся до места моей практики, я рассказываю ему о том, чем планирую заниматься в ближайшие месяцы, будучи практикантом.

– А он красавчик?

Вопрос вгоняет меня в ступор. Не замечала за Гариком ничего необычного, но...

– Ты бы видела сейчас свое лицо! – ржет этот гад, останавливая автомобиль прямо у крыльца.

– Ой, ну тебя! – Толкаю его в плечо. – Спасибо, что подвез! – выбираюсь из салона и, прежде чем закрыть дверцу, шлю Гарику игривый воздушный поцелуй. – Пока!

– Вечером забрать?

Отрицательно качаю головой и, развернувшись, взлетаю по ступеням. На проходной – суровые взгляды с допросом: кто такая, к кому и для чего? Успеваю произнести лишь фамилию, как суровость со старшего из двоих слетает и меня почти провожают до кабинета кадровика.

– Спасибо, вы так любезны! – благодарно раскланиваюсь, переступая порог, и тут же оказываюсь лицом к лицу с дамой неопределенного возраста.

Атмосфера вокруг разом меняет оттенок на серебро дождевых облаков, и как будто даже веет сырým холодом. Вера Павловна смотрит на меня оценивающе-пренебрежительно: вот ей как раз фиолетово, чья я дочь. В ее глазах я – малолетняя выскочка, решившая от безделья податься в серьезную профессию, где таким, как я, естественно, не место.

– Доброе утро! – растягиваю губы в искусственной улыбке и чуть вздрагиваю, когда за спиной с громким хлопком закрывается дверь, – Игорь Сергеевич сказал, что вы все знаете и без труда оформите все нужные документы.

– Садись.

Цербер! Хранительница артефактов в гробнице фараона!

От ее взгляда, голоса, манеры общения внутренности прошибает ледяной озноб. Сглатываю дискомфорт, аккуратно садясь на краешек указанного стула, складываю руки на коленках, словно прилежная воспитанница пансиона благородных девиц, и почти не дышу. В кабинете повисает прямо-таки звенящая тишина, и лишь скрип перьевой ручки нарушает его противным звучанием какой—то безысходности. Чувство, что здесь не папа генерал правит бал, а она.

Время словно замирает, и пять минут растягиваются в час, день, сутки...

– На! – Она небрежно подает мне документы. Я поднимаюсь и подхожу к ее столу. – Здесь, – тычет указкой в строку, – подпись и дата.

Растерянно ищу глазами ручку, и после недовольного вздоха Цербер сама подает мне пишущий предмет. Быстро ставлю закорючку, даже не читая; моя оплошность, и очень серьезная, но задерживаться в этом склепе более пары секунд я не желаю. Получаю какую-то корочку и, словно пробка из встряхнутой бутылки шипучки, вылетаю за дверь, по пути прощаясь и мысленно надеясь как можно реже с ней сталкиваться.

– Эй, ты куда? – ловит меня за руку тот же парень, который привел к этой мегере. – Тебе же в отдел к Майорову, а это в другом направлении.

– Да? Спасибо! – тараторю и разворачиваюсь к нему спиной. – А куда? —Беспомощно оглядываю длинный коридор с кучей дверей и, как назло, пустой, будто и не будний день вовсе.

– Пойдем. – Мой провожатый выходит вперед и уверенно направляется к лестнице.

– Все управление в курсе, да?

– Конечно. – Он с трудом скрывает усмешку. – Парни еще и ставки ставили, кому в отдел привалит такое счастье.

– Чего?! – Спотыкаюсь на ступеньки от такого хамского откровения. – И как это понимать?! – Упираю руки в бока, склоняю голову набок и чуть ли не молнии глазами высекаю.

Оцепенение после встречи с Цербером сдувает моментально. Это меня сейчас так похвалили или наоборот?!

Ответа я не получаю. Топаю с досады ногой и в отдел того самого капитана Майорова вхожу с приклеенной улыбкой девочки-отличницы, наивной и ничего не ведающей.

Ну, здравствуйте мои дорогие! Вот она я – ваше «счастье»! Посмотрим, кто кого?

– Здравствуй! – Я сама вежливость, от приторного звучания моего голоса аж зубы ломит.

Нестройные мужские голоса вторят мне в ответ. Окидываю взглядом собравшихся, стараясь вычислить своего временного начальника, но отчего-то никто из трех на эту должность не тянет. Видимо, начальство задерживается.

– Я... – решаюсь все-таки представиться и обозначить цель своего визита: мало ли, может, эти товарищи не в теме и даже не спорили на меня.

– Кость... – Один из парней окидывается на стуле и смотрит на того, кто меня сюда привел. – Вы чё, уже сами разучились принимать заявления у пострадавших? Хрена ты к нам ее привел?!

– Ну так она к вам, – тянет интригу тот самый Костя.

Не мешаю. Пускай мальчики померяются достоинствами. Подмечаю пустующий стол и прямой наводкой топаю к нему, скидывая по пути пальто.

– Здесь же свободно? – уточняю на всякий случай: не хочу никого подсидеть.

– Девушка... – как-то устало, словно отпахал две смены на руднике, обращается ко мне тот, что отчитывал Колю.

– Анастасия, – представляюсь. – Анастасия Игоревна Пахомова, – добавляю и отодвигаю стул. – Ну, раз стол ничей, то временно будет моим.

И во второй раз за последние пятнадцать минут в помещении повисает звенящая тишина, с той лишь разницей, что сейчас не слышен противный скрип пишушего предмета. Но зато нецензурные словечки, произносимые шепотом и с толикой раздраженности, шипением заполняют пространство. Возникшую паузу разрушают звуки открывающейся двери, уверенные тяжелые шаги и громкий выдох, сдерживающий крепкое словцо, желавшее слететь с уст вошедшего.

Оторвавшись от созерцания ошалелых лиц парней, я перевожу взгляд на вошедшего и прикусываю язык. В голове моментально образовывается вакуум. Мозг отключается, и все, что получается выдать из пересохшего горла, это приветствие.

– Доброе утро. – Сглатываю ком и пристально смотрю на своего пятничного попутчика.

Интересно, а он помнит ту поездку?

Я-то хорошо её помню...

Глава 6

АНАСТАСИЯ

– Привет, – почти с радостной улыбкой на устах приветствую подругу, распахнувшую передо мною дверь.

Немного запыхавшись, переступаю порог Еськиной квартиры и целую хозяйку малогабаритных хором в щеку.

– Что-то я сегодня замоталась, – жалуюсь ей, опуская свой «взмыленный» зад на невысокий пуфик рядом с дверью, – держи.

– Привет, пчелка! – улыбается она, забирая из моих обессиленных рук два пакета с различными вкусняшками. – Разувайся, мой руки и топай на кухню! —командует, уходя в сторону той самой кухни. – Так уж и быть, покормлю тебя, – снисходительно шутит, и до моего обоняния доносятся аппетитные ароматы домашней еды.

Скидываю ботинки, задвигая их под обувную полку, кряхтя, поднимаю свое тельце с такого удобного стульчика, снимаю пальто, стягиваю шапку и все это бросаю на пуф. Бреду до ванной, шаркая ногами, словно артритный старикашка. Больше, конечно, утрирую, все же я вымотана не столько физически, сколько умственно и морально. Учебный год начался всего пару месяцев назад, а преподаватели по всем дисциплинам муштруют нас, словно уже завтра госэкзамены и вручение дипломов.

Устало опираюсь на раковину, подставляю ладони под прохладную воду и бесцельно смотрю на то, как тонкая прозрачная струйка утекает в слив, унося с собой часть дневной нервоотрепки.

– Эй, ты там решила вся искупаться? – стучится в дверь санузла Еся, а затем, не дожидаясь ответа, открывает ее и заходит.

Молчит каких-то пару секунд, внимательно разглядывая мое отражение в зеркале, а затем подходит вплотную и обнимает меня со спины – крепко-крепко, насколько это позволяет ей ее округлившийся животик.

– Лютуют? – сочувственно интересуется она.

– Ага! – вздыхаю. – Магнитные бури, видимо, или Меркурий в ретрограде, и они как с цепи сорвались. – Отключаю воду и разворачиваюсь к ней лицом. —Хорошо, что с понедельника практика.

– Угу, – соглашается Еся, отпуская меня.

Молча покидаем ванную, так же молча садимся за стол в небольшой уютной кухне. Передо мной тарелка с наваристым мясным рагу и чашка дымящегося какао. Беру ложку и жадно набрасываюсь не еду. Пока не начинаю есть, даже и не догадываюсь, насколько я голодна. Готова умять не только свою порцию, но и подруге помочь. Та, в свою очередь, лишь вяло ковыряет вилкой и почти нехотя отправляет в рот маленькими порциями нежнейшие кусочки мяса.

Заметив мой внимательный взгляд, Еся оправдывается, что наелась, пока готовила, и сейчас села за стол только за компанию со мной. В подтверждение своих слов отодвигает от себя тарелку с почти нетронутым рагу и обхватывает ладонями большую чашку. Сует в нее свой нос и жмурится от удовольствия, втягивая аромат горячего шоколадного напитка.

– Точно ничего не болит? – подозрительно интересуюсь у нее.

– Да поясницу второй день тянет, – все же сознается Еся, – но это, вроде, нормально на моих сроках.

– Не знаю... – честно пожимаю плечами. – Но, если сомневаешься, сходи к врачу.

– Угу, – бубнит она, делая глоток, – у меня прием, как раз на следующей неделе.

Еся в положении. Срок – семь месяцев. Кто «счастливый» будущий папаша и где он вообще шляется, подруга не сознается. В начале учебного года без лишних затруднений оформила себе свободное посещение и в стенах университета теперь появляется раз, изредка два раза в неделю, стараясь при этом не контактировать ни с кем из однокурсников.

– У меня только ты – одна-единственная верная подруга, – пожимает всегда плечами, стоит мне спросить, отчего такая конспирация, – остальные – лишь проходящие знакомые, и им незачем знать о моем положении.

Не перечу, но какие-то нехорошие сомнения гложут меня. Пока не лезу в душу. С беременными вообще нельзя спорить: «мышь все съедят» – дурная бабулина поговорка, но от греха подальше не спешу ее проверять. Просто поддерживаю подругу во всем.

Часто после учебы заезжаю в гости, вот как сегодня, прикупив по пути кучу полезных и не очень, продуктов. Правда, по этому поводу Есения, свет ее, Батьковна часто ругается, заявляя, что не нищенка и в состоянии сама купить все, что пожелает.

После ужина перебираемся в комнату. Под негромкий бубнёж телевизора и за разговорами о разном незаметно пролетает время. За окном вечерняя мгла нехотя окрашивается в ночной полумрак. Небо покрывается, характерной для города, тусклой серостью, а уличные фонари отбрасывают желтые пятна света, пряча от нас мириады звезд. Даже серебряный диск луны скромно прячется за одинокими облаками, не желая соперничать с городской иллюминацией.

Лишь когда уже сложно сдержать зевоту, а глаза норовят закрыться, я бросаю взгляд на часы. Цифры беззаботно отщелкивают завершение этих суток, а время для приличных гостей вообще уже давно закончилось.

– Ой, засиделись! – спохватываюсь я, поднимаясь с дивана. —Пора-ка мне выметаться. – И, устало улыбаясь, направляюсь в прихожую.

– Может, останешься? – предлагает подруга. – Куда ты на ночь глядя поедешь?

– К бабуле, – нахожу аргумент. – Мы с ней договорились, что я сегодня у нее ночую, а завтра мы с ней гуляем.

Обувшись, достаю телефон и через приложение заказываю такси. Вот только все они отчего-то отказываются меня везти по указанному адресу.

– Блин блинский! – ругаюсь я, натягивая пальто. – Ладно, возле торгового центра поймаю. Все! – Тянусь к Еське, целую ее в щеку на прощание. – Я умчалась, а ты ложись спать и сходи к врачу, – назидательно напоминаю, пряча шапку в рюкзак.

– Обязательно. А ты аккуратнее там и обязательно звони мне. Спать не лягу, пока ты не позвонишь! – угрожает, сдвинув брови.

Смешная такая – пузатый грозный хомяк! Смеюсь, но клятвенно заверяю, что всенепременно буду держать ее в курсе моего передвижения вплоть до порога бабушкиной квартиры.

Оказавшись на улице, вдыхаю полной грудью стылый октябрьский воздух – чуть сырой и с нотками прелой листвы. Неспешно топаю до ближайшего торгового центра по освещенным и вполне себе многолюдным тротуарам и сама себе удивляюсь, когда отчего-то сворачиваю в проулок, словно кто-то толкает меня, заставляя пойти наперекор разуму и поискать приключений на свою вполне себе симпатичную пятую точку.

И куда только страх подевался? Особенно, когда впереди пусть и не многочисленная, но все же в основном мужская компания разбредается в разные стороны и по разным автомобилям.

«Настя, ты дура!» – только и успеваю проорать мой разум, когда я хватаюсь за ручку пассажирской дверцы автомобиля с эмблемами популярного такси. Быстро открываю ее и, шлепнувшись на сиденье, громко диктую адрес. А затем лишь замечаю, что я не единственный пассажир данного транспортного средства.

Незнакомец смотрит на меня чуть расфокусированным и глубоко нетрезвым взглядом. Хмурится, но покидать салон не спешит, словно размышляет о том, джентльмен он или нет и как вообще в такой ситуации поступить.

В неярком свете уличного фонаря, робко пробивающемся через окна и заливающим пространство тусклым светом, черты лица моего неожиданного попутчика точно завуалированы, но даже это не мешает мне скользнуть нерешительным взглядом по волевому подбородку, подмечая легкую темную щетину, успевшую отрасти за день и придающую его облику некую опасность. Широкие, жёсткие скулы, четко очерченные губы, по которым так хочется провести подушечкой пальца, чтобы почувствовать контраст между впечатлением и реальностью от тепла, исходящего от них. Нос с небольшой горбинкой, как у опытного боксера или человека, не раз кулаками отвоевывавшего правду. Острый внимательный взгляд черных, как ночь в затерянном лесу, глаз. Широкий лоб и непослушный вихор небрежно уложенных волос.

От него исходят такие убойные волны харизмы, что я цепенею, как напуганный заяц. Сижусь неподвижно, не моргаю и почти не дышу. Но не от страха, нет, а от чего-то такого, что даже словами невозможно передать. От той силы, опасности и брутальной уверенности, что витают вокруг него, притягивая меня магнитными завихрениями, словно беспомощную металлическую песчинку.

Полумрак окутывает нас плотным коконом, отгораживает от мира, электризуя атмосферу, и я даже как будто слышу треск искорок взрывоопасного напряжения.

Сглатываю подкативший к горлу ком растерянности, сжимаю пальцы на ручке дверцы, но более пошевелиться просто не могу. Слова застревают где-то на полпути от мозга до гортани, да и мозг отказывается работать, резко расплываясь в розовый кисель.

Между тем, мой неожиданный попутчик медленно, но все же четко, несмотря на свое состояние, и даже практически вежливо просит покинуть салон, уступив ему тачку на правах первого, кто ее занял. Его доводы доносятся до меня, словно сквозь густой утренний туман. Я лишь слышу звуки его голоса – глубокого, чарующего, с легкой хрипотцой и повелительными нотками. Он обволакивает меня бархатной негой, берет в плен и лишает разума. И это только голос! Боже! А что будет, если он...?

«Настя! Настя! Ты совсем не о том думаешь! Выходи из машины и беги! Беги, Настя!» – прорываются сквозь туманную пелену наваждение крики очнувшегося разума.

Трясу головой, прогоняя наваждение, и решаюсь дать отпор в битве за право на данное транспортное средство. Ну, хотя бы по той простой причине, что я девушка. А девушкам положено уступать!

Но нужные слова застревают в горле, и с губ слетает лишь сдавленный вскрик. Я опрометчиво смотрю в его глаза и задыхаюсь от бури эмоций, что пляшет в глубине этих опасных черных омутов. Тону в них и не могу оторваться.

Такое со мной впервые!

Еще ни одна особь мужского пола так на меня не действовала, а уж я-то их на своем пусть еще и достаточно юном веку уже повидала немало. Только в папином РУВД сотрудницы как на подбор... ну, за исключением Волкова (как этот соплежусь среди них затесался, мне до сих пор непонятно). Еще и мама преподает в военном вузе. Поэтому я с детства окружена мужественной статью, непоколебимой уверенностью и пленительной харизмой. И к своим двадцати трем годам имею стойкий иммунитет к самцам такого покроя.

Но, видимо, этот точно мутировавший штамм опасного вируса, расшатал мою защиту за считанные секунды.

Что там кричит мой ошалевший разум? Бежать? Похоже, придется!

– Вы ехате собираетесь! – гаркает водитель, окончательно вырывая меня из зоны комфорта.

Ошалело вжимаюсь в дверцу, безуспешно дергая ручку. Гул в голове мешает расслышать происходящее, и только тронувшийся с места автомобиль заставляет меня отдернуть руку от дверцы и прибегнуть к дыхательной гимнастике.

Достаю телефон и быстро строчу Еське сообщение с данными такси, смутно виднеюшимся на лобовом стекле. Мой непрошенный попутчик ворочается на сиденье, размещаясь поудобнее, а я, и без того впечатанная в дверь, лишь сажусь к нему спиной и таращусь в боковое окно, невидяще вглядываясь в мелькающий городской пейзаж.

Мужчина медленно проваливается в сон, устроившись так, что его колено постоянно задевает мое бедро, и тепло от этого соприкосновения, даже через слой одежды, волнами прокатывается по моему телу и. Дыхание перехватывает. Внизу живота словно разливается солнечной лужицей волнующая нега.

Его еле слышное дыхание и ненавязчивая тишина, плывущая по салону, навевают дремоту, наваливающуюся на меня теплым одеялом. Из последних сил держу свое сознание на пороге между реальностью и сновидениями. Аккуратно, словно шпион на задании, разворачиваюсь и исподлобья украдкой разглядываю такое шикарное тело.

Первым делом взгляд останавливается на широких запястьях. Зависаю на разглядывании кожаного браслета и в комплекте к нему тяжелых наручных часов из темной стали (мой фетиш).

Крупные кисти со змейками вен. Длинные пальцы без единого украшения. Крепкие руки, в объятиях которых мечтает очутиться любая женщина. И я не исключение.

«Черт!» – мысленно восклицаю я.

Под распахнутой курткой светлая рубашка обтягивает налитые мышцы прокачанного торса. При каждом вздохе тонкая ткань натягивается так, что я с наслаждением разглядываю умопомрачительный мышечный рельеф.

Прикусываю губу, чтобы не выдать нечаянным всхлипом всю глубину моего зрительного упоения, и продолжаю свой экскурс по столь привлекательному телу.

Длинные ноги, с трудом помещающиеся в проходе, тоже не лишены атлетической красоты, а серые брюки с идеально выглаженными стрелками лишь подчеркивают их мощь.

Он до мурашек хорош! Просто чертовски красив! И я, словно юная школьница, изнемогающая по молодому преподавателю, тону в нереальности тех чувств, что клубятся во мне неумным торнадо.

– Приехали. – Усталый голос водителя прорывается сквозь пелену моего опьяненного сознания. Быстро моргаю, прогоняя марево мечтательности, и кое-как фокусирую взгляд. Гляжу за окно, пытаюсь понять, где мы.

– Но это не мой...

– Это его дом, – прерывает мое робкое возмущение таксист. – Его адрес первый по маршруту, – уточняет он и нетерпеливо барабанит пальцами по рулевому колесу.

– Мужчина! – пытаюсь растолкать уснувшего пассажира. – Мужчина, вставайте!

Но все тщетно. Даже громкий бас водителя лишь на мгновение приводит моего попутчика в чувство, он открывает глаза, смотрит на меня невидящим взглядом, но вновь уплывает в объятия Морфея.

– Мужик, выходи! Приехали! – Раздражение в голосе таксиста коробит и толкает меня на необъяснимый поступок: вести здорового (он почти на полторы головы выше меня, раза в два шире, ну и веса в нем точно под сотку) мужика, при этом еще и нетвердо стоящего на ногах, до квартиры – то еще приключение!

Но отчего-то мне совсем не страшно.

Может, класс жилого фонда, наводящий на мысль о солидности и адекватности его обладателя, может, весь его внешний вид определенно не заядлого алкаша, не бандита и не

извращения, а, может, еще какая-то внутренняя безбашенная интуиция шепчет мне, что я под защитой?

Светлый подъезд с любопытным дедком-консьержем. Быстрый лифт с вместительной кабиной, но даже в ней мой подопечный стоит так близко, дышит мне в затылок и что-то шепчет. Еле разбираю его слова, цепляясь лишь за прозвище, им придуманное.

– Почему Ромашка?

– Ты пахнешь ими.

Горячее дыхание обжигает затылок. Широкие ладони ложатся на талию, и мое маленькое беззащитное тельце впечатывается в горячую стальную глыбу. Все как в тумане. Мурашки по телу и беешный стук сердца в унисон с таким же сумасшедшим рокотом его нетерпения.

Жесткие губы незнакомца накрывают мои. Я таю под натиском его уверенных ласк. Сдаюсь без боя и отключаю разум. Так жадно, так напористо, так нежно и многообещающе меня еще не целовали. Эти губы сводят с ума. Эти руки лишают рассудка, и только когда они пробираются под свитер, спешат вверх по спине, а затем ныряют под тонкое кружево нижнего белья, я возвращаюсь в реальность.

– Можно мне в душ? – Чуть отстраняюсь, хотя это ой как непросто в кольце его крепких объятий.

– Угу, – качает головой Артем.

Во всей этой буре необузданных чувств мы все же успеваем познакомиться. Он Артем! Ему идет это имя, а «Тёма» прямо вот так нежно, заботливо и по-домашнему.

– Ванна там, – указывает он в сторону темного коридора и, чуть пошатываясь, стягивает через голову рубашку, расстегнув только несколько верхних пуговиц.

Пальто было скинуто чуть раньше и теперь валяется на полу рядом с моим.

Замираю, не в силах оторвать взгляда от широкой гранитной спины с вязью графического тату. Накачанные мышцы перекачиваются под смуглой кожей, маня пройтись по ним ладонями, губами, языком...

Артем удаляется в спальню, снимая на ходу брюки, а я, отвесив себе ментальный подзатыльник, спешу в ванную комнату. Запираюсь в ней. ополаскиваю лицо холодной водой и некоторое время просто сижу на полу, прислушиваясь к шорохам за дверью.

Когда решаюсь покинуть свое убежище, в квартире повисает звенящая тишина, нарушаемая лишь мирным сопением уставшего мужчины. Заботливая Мать Тереза, порой просыпающаяся во мне, побуждает облегчить утренние страдания хорошо погулявшего человека.

Стакан воды и горсть медикаментов на прикроватной тумбе. Сжимаю ладони в кулаки с такой силой, что ногти впиваются в ладони, невесомо целую его в плечо, подтягиваю покрывало и спешу к выходу, пока еще мой разум в состоянии правильно мыслить.

Запасная связка ключей находится довольно быстро, а еще листок для записей и карандаш. Оставляю ему свой номер телефона и сообщение о том, что готова вернуть ключи в обмен на ужин.

Нахально? Да!

Импульсивно? Очень! И, чтобы не передумать, оставляю маленький клочок бумаги на тумбе, хватаю пальто и выскакиваю за дверь.

Глава 7

АНАСТАСИЯ

– Доброе...

Мужской голос с той самой ноткой хрипотцы, что последние три ночи преследует меня во взрослых снах, врывается в паутину невесомых воспоминаний, выплетаемую приятно удивленным сознанием. Тонкие нити безжалостно рвутся, возвращая мой разум в реальность.

Встряхиваюсь, точно чудом освободившаяся из цепкого плена бабочка. Расправляю крылышки, вздернув подбородок. Фокусирую чуть расплывшийся взгляд и, как ни в чем не бывало, приклеиваю к губам приветную улыбку.

Во взгляде устремленных на меня карих глаз мелькает узнавание, и даже уголки губ еле заметно скользят вверх, но это длится всего лишь считанные секунды. Щелк – и нечитаемая темнота заполняет всю радужку, пропуская по венам изморозь отчуждения.

– А почему посторонние в отделе? Кость. – Скидывая куртку, мой пятничный попутчик, а теперь еще и временный начальник, с недовольством в голосе обращается к парню, который привел меня. – Вы уже в хлам обленились?

– Артем Захарович, – ничуть не тушуясь, даже с толикой ехидства отвечает Кость, делая шаг в сторону выхода. – Эта, – кивает в мою сторону и с трудом сдерживает улыбку, – по вашу душу.

Тут же открывает дверь и, шутливо отдав честь, ретируется, дабы не попасть под раздачу.

В кабинете повисает звенящая тишина. Сижу, почти не дыша, и только лишь слежу за тем, как меняется выражение лица Артема... Захаровича.

Мужчина прищуривается, внимательно рассматривая меня, будто невесть откуда взявшаяся пятно на только что вычищенных до блеска парадных ботинках, хмурится, и весь его вид отчетливо дает понять, что мое присутствие в его отделе – как чирей на пятой точке.

– Анастасия, – решаюсь представиться. – Анастасия Игоревна Пахомова, – добавляю, будто это что-то изменит в его отношении ко мне.

Ком горечи застревает в горле, и, главным образом, не от обиды, что меня не вспомнили: это еще можно понять – не в том он состоянии был, хотя мог бы и позвонить, хотя бы из вежливости поблагодарить за проявленную заботу. Ну, да ладно, Бог с ним, невелика потеря!

Больше задевает другое: моё честолюбие царапает поставленный им незримый штамп мне прямо на лоб «бездарная протезе».

– Ну что, Анастасия... – Майоров произносит мое имя, чеканя каждую букву, затем подходит к столу, который я нахально «приватизировала», опирается ладонями на его край и чуть наклоняется вперед. Расстояние между нами моментально сокращается до критического. Глаза в глаза. В моих ушах – легкий шум от бури резонансных эмоций, а в легкие пробирается аромат его парфюма, сбивая дыхание и учащая сердцебиение. Прикусываю щеку изнутри, чтобы не поддаться панике, в лучшем случае – сиюминутной слабости и...

– Давай договоримся сразу. – Уверенность в его голосе возвращает поток моих мыслей в нужное русло. – Ведешь себя тихо, никуда не лезешь, под ногами не путаешься, никому не мешаешь. А лучше сразу переходи в отдел к Волкову, все проще будет.

В глазах – строгость и предупреждение, чтобы даже не думала перечить.

Чертенюк, дремавший до этого момента где-то глубоко в моем сознании, взбудораживается, воодушевленный столь пламенной речью, и с язвительной ухмылкой тычет своим трезубцем в тихий омут моего благоразумия. Ухмыляется, будоража его. Виток-другой, и разум туманит замутненными водами противоречивости.

А вот хрен вы угадали, Артем Захарович! Я теперь не только никуда не уйду, хотя на пару секунд и мелькала такая мысль, – я теперь во все ваши дела и нос суну, и хвостиком за вами буду ходить, и даже во сне являться!

А еще... А еще... Еще...

– Артем Захарович, – вкладываю в голос столько приторной лести, что аж зубы сводит и слипаются одно место, – а давайте вы будете моим парнем? – произношу, пристально глядя в темноту его негодующих глаз, – на время, – даю поблажку, – пожалуйста...

Минутная пауза. Тягучая тишина, и лишь тяжелое дыхание прожигającego меня свирепым взглядом мужчины закручивает пружину нарастающего напряжения.

– А ты не охренела, девочка?! – цедит он сквозь стиснутые зубы, играя желваками и сжимая ладонями несчастную столешницу до побелевших костяшек.

– Нет, – делаю самостоятельный вывод на свое предложение. – А как же «звездочки»? – Приподнимаюсь, упираясь локтями в стол, и, почти касаясь губами его гладко выбритой щеки, тихо-тихо произношу:

Шантаж, да, и меня саму от этого коробит, но коль скоро он и так повесил на меня бирку смазливой и несерьезной фифы, то я ему и подыграю.

Раз... Два... Три...

Медленно и про себя веду отсчет до взрыва. Огненные всполохи в глубине потемневшего взгляда не сулят мне мирного исхода после такого моего сумасбродного заявления. И я жду, затаив дыхание, слушая стуки собственного сердца и все глубже утопая в бездонных омуты красивых глаз.

– Гражданка Пахомова. – Каменное выражение лица и лед в каждом звуке. — Мальчики для утех – в другом учреждении. На днях планируем облаву на одного из таких, вас непременно возьмем с собой и в качестве бонуса...

– Ой, я вы тоже по мальчикам? – перебиваю его, подливая масла в огонь и без того полыхающей злости.

Знаю, что перегибаю палку, нарываюсь, но остановиться не могу. Даже мой внутренний чертенок опасно качает головой и, прикрывая свой зад, медленно отступает. Я же, видать, бесстрашная, и чувство самосохранения временно поставлено на паузу. Набираю в легкие воздуха, но сказать очередную колкость не успеваю.

От гнева огнедышащего «дракона» и моего скорого «возгорания» меня спасает телефонный звонок.

– Да! – хватая трубку стационарного аппарата, рывкает Артем, да с такой яростью, что стекла даже в пластиковых стеклопакетах жалобно звенят.

Напряженный, разгневанный, он сжимает кулак так, что слышен хруст несчастного пластика, попавшего в его руку. Четкий профиль, плотно сжатые губы и эта непослушная прядь, выбивающаяся из небрежно-стильно уложенных волос, в которые так и хочется запустить ладони.

Блин блинский!

Почему рядом с ним меня так штормит? То извести его хочу, то зацеловать. Надо бы выбрать одну концепцию своего поведения и строго её придерживаться. А в свете всех событий лучше остановиться на первой: она рациональнее и полезнее для душевного спокойствия.

Выдыхаю напряжение и откидываюсь на спинку стула. Удары собственного сердца отдаются в висках пульсирующим дискомфортом. Чуть морщусь и искоса поглядываю на притихших парней, ставших свидетелями нашей перепалки.

– Упс... – пожимаю плечами, с невинным видом. «Я нечаянно», – мысленно извиняюсь.

Сотрудники в тихом шоке, даже не скрывают своего любопытства, и я более чем уверена, что в личном чате они уже запустили тотализатор и принимают ставки, кто первый сдастся. Интересно, на меня кто-нибудь поставил?

– Выежаем, – звучит, как сигнал стартового пистолета, и парни устремляют внимательный взгляд на начальника.

Трубка с грохотом опускается на аппарат. Артем уже не обращает на меня никакого внимания и общается только с повскакивавшими со своих мест сотрудниками. Бросая односложные фразы, он проверяет свое табельное оружие и уже спешит к выходу, абсолютно забыв обо мне.

– А я? – делаю попытку встать, но стул, словно специально, цепляется за что—то невидимое на полу и тормозит мою оперативность.

– А ты, – останавливается капитан почти у самой двери, разворачивается ко мне, делает шаг в мою сторону, – ты остаешься в отделе. Никого в кабинет не пускаешь, если звонит телефон – отвечаешь и записываешь всю информацию. Сидишь на месте и не отвсвечиваешь, поняла?

Ответа от меня явно не ждут. Бегло окидывая взглядом помещение, Артем – мать его! – Захарович хватает со стеллажа неприметную серую папку и почти швыряет ее на столешницу передо мной.

– Вот! – шлепает по ней широкой ладонью. – Изучай! Читай от корки до корки, а как прочтешь, – кивает в сторону полка, – там еще для тебя есть. Ознакомишься с работой отдела пока в теории, заодно и порядок наведешь.

Резко разворачивается и уходит, напоследок грохая дверью так, что я испуганно подпрыгиваю на стуле, тот не вовремя отъезжает от стола, и моя несчастная пятая точка приземляется на жесткий пол.

Больно и отчего-то обидно. А еще неудобно выкарабкаться из-под стола, потому что сволочной предмет офисной мебели опять своими шаткими колесиками застревает в невесть откуда взявшейся щели в паркете. Пыхчу, корячусь, пытаюсь высвободиться из неожиданного «подстольного» плена и не слышу, как в кабинет кто-то входит.

– Ой! – восклицаю от неожиданности и встречаюсь затылком с твердыми деталями своей «крепости», когда преграда волшебным образом устраняется.

– Помочь? – раздается заботливый мужской голос над головой, и я с недоверием цепляюсь за протянутую широкую ладонь.

– Спасибо, – благодарю спасителя и тут же отдергиваю руку, – я и сама бы выбралась, просто... – Отряхиваю пылинки с брюк, поправляю пиджак и чуть растрепавшуюся прическу, – карандаш искала. – Вздергиваю подбородок и тянусь к спинке кресла, неосознанно устанавливая его между нами, словно защитный барьер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.